

ШОУ БЕЗЛИКИХ

продолжение следует...

ШОУ БЕЗЛИКИХ

ХЕЙЛИ БАРКЕР

Freedom

Москва

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б25

Hayley Barker
SHOW STOPPER

Text © Hayley Barker, 2017

Cover illustration © Liam Drane, 2017

Cover reproduced by permission of Scholastic Ltd
The first edition of Show Stopper is published and licensed
by Scholastic Ltd.

Баркер, Хейли.

Б25 Шоу безликих / Хейли Баркер ; [пер. с англ.
А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Экс-
мо, 2018. — 448 с. — (Young Adult. Адский цирк).

ISBN 978-5-04-092402-8

Сияние огней, красный бархат кресел, блеск роскошных костюмов, аппетитные запахи угощений, радостные улыбки и детский смех! Шоу, которое никого не оставит равнодушным! Но стоит солнцу спрятаться за горизонт, как цирк закрывает свой гостеприимный манеж для скользящих богачей, которые готовы заплатить любую сумму за смертельное представление. От бывшего сияния не осталось и следа: крики боли, ужасающие травмы, голод и смерть — настоящее лицо цирка, обогрешенное кровью невинных артистов.

Хошико — звезда цирка родом из трущоб. Бен — сын министра, выступающего за ужесточение режима. Отброс и Чистый. Преисполненные взаимной ненависти, два мира столкнулись, чтобы разрушить предрассудки поколений. Смогут ли они понять друг друга или безжалостная мясорубка цирка уничтожит обоих в борьбе за свободу?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А., Бушуева Т.,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-092402-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Посвящается Марку

ХОШИКО

Я застыла под самым куполом, высоко над зрителями. Их выкрики эхом грохочут в моей голове.

Я стою на высоте около ста футов над манежем, но, если попытаться, можно разглядеть внизу, в море человеческих тел, отдельные лица.

Я начинаю раскачиваться. Вперед и назад, вперед и назад. Все быстрее и быстрее, набирая темп. Мои движения становятся ритмичными: туда-сюда, туда-сюда.

В эти мгновения есть только я, только взлет и падение. Если отпущу руки слишком рано — не достану до каната; если слишком поздно — перелечу через него.

Как только я приближаюсь к канату, то сначала подбираю ноги, а затем резко запрыгиваю на него. Встав на него обеими ступнями, приседаю. Вибрация троса ослабевает. Дыхание постепенно выравнивается. Тело снова подвластно мне, я снова хозяйка положения. Самое время дать им то, чего они жаждут.

Легко, без всяких усилий балансирую, я отрываю одну ногу от каната и поднимаю ее все выше

и выше. Наклоняюсь вперед, и вскоре мои ноги становятся вертикальной линией. Я как огромная буква «Т». На пару мгновений замираю в таком положении, а затем делаю сальто. Одно, второе, третье, всякий раз приземляясь ногами на трос.

Я смотрю вниз, на восторженную толпу. Затем опускаюсь и, сев на шпагат, какое-то время отдыхаю. После хватаюсь за канат и вращаюсь на нем, все быстрее и быстрее, приводя толпу в исступление. Наконец, когда кажется, что их крики вот-вот взорвут купол цирка, я останавливаюсь и встаю на ноги. Настает главный момент моего маленького шоу.

Я возвращаюсь к кулисам, и мне дают табурет. Балансируя и удерживая его над головой, возвращаюсь обратно к центру троса. Воцаряется напряженная тишина. Публика затаила дыхание. Чего они желают? Чтобы я упала и разбилась, или чтобы у меня все получилось? Эта мысль постоянно преследует меня.

Я опускаю две ножки табурета на канат. Мне нельзя торопиться. Теперь самое главное — равновесие. Равновесие и инстинкт. Я забираюсь на табурет и присаживаюсь на него. Ноги скрещены, руки широко разведены в стороны. Затем подбираю ноги и поднимаюсь. Теперь я стою на табурете. Я поднимаю одну ногу, становлюсь на кончики пальцев и вращаюсь. Круг за кругом, высоко над миром, я кручу фуэте, бросая вызов законам гравитации, бросая вызов опасности, которая в очередной раз дышит мне в затылок. Начинает играть

оркестр, музыка усиливается в грандиозном торжественном крещендо. Вокруг меня взрываются фейерверки, каскадом спускаясь вниз, словно падающие звезды. Далеко внизу, на манеже, группа гимнасток в белом совершают сальто, а я — вершина представления, его центр, я царствую над всем миром.

Но вдруг я краем глаза замечаю Сильвио. Он наблюдает за мной с платформы. Его лицо заливают ярость. Но почему? Кровь застывает в моих жилах, когда я понимаю, в чем дело.

Он мечтает, чтобы я упала.

Зрителям не заметить его за полотнищами занавеса по обе стороны платформы.

Я единственная, кто видит инспектора манежа.

Он протягивает вперед руку и хватается за натянутый канат. Наши взгляды встречаются. Злобно скалясь, Сильвио дергает его несколько раз, отправляя мне смертельное послание.

Я теряю равновесие и снова падаю, головой вниз, под удивленный возглас публики.

БЕН

Я не могу оторвать от нее глаз. Она повисла под куполом цирка, на высоте ста футов, но я прекрасно вижу выражение ее лица. Это не испуг. Скорее, злость. Бог знает, что она думает о нас.

Внезапно она начинает раскачиваться словно маятник, вперед и назад. Блестки ее костюма ис-

кряться в лучах прожекторов. Этаким живой зеркальный шар, отбрасывающий на арену яркие блики. Даже ее длинные черные волосы кажутся живыми. Они как будто исполняют свой танец, и свет отражается от их сверкающих волн. Она так легко и проворно порхает под куполом, что у меня перехватывает дыхание.

Все вокруг меня также пребывают в восторженном возбуждении. Мать, отец, Фрэнсис, даже телохранители, никто не в силах усидеть на месте. Они ликующе подпрыгивают, и я чувствую, как пол содрогается под моими ногами.

Я снова смотрю на девушку. Теперь она безо всяких усилий шагает по тросу. А затем и вовсе начинает приплясывать, будто стоит на ровном полу. Она поднимает то одну ногу, то другую, быстро кружится волчком, и ее движения сливаются в размытое световое пятно.

Кто-то подает ей табурет. Я не могу поверить своим глазам, но она садится на него. Покажи такое по телевизору, я бы ни за что не поверил. Подумал бы, что это просто монтаж, спецэффект, умелая работа оператора. Она сидит на табурете. Табурет стоит на проволоке.

Она поднимается. Неужели она хочет встать на табурет? Именно так. Она уже стоит на нем. Такого просто не может быть. Как это ей удастся?

Она вращается на одной ноге вокруг своей оси. Все вскакивают с мест, топают и хлопают в ладоши. Зал взрывается бурными аплодисментами.

Однако на ее лице нет улыбки, ее темные брови

презрительно выгнуты дугой. Она так близко, что я вижу огонь в ее глазах. Опустив ресницы, она с ненавистью смотрит на толпу.

Я умолкаю.

Никогда раньше не видел ничего подобного. Я не могу оторвать глаз от ее лица. Я вижу, как она скосила свои миндалевидные глаза. Вижу, как они расширяются от ужаса. Вижу, как она соскальзывают назад. Вижу, как она падает...

БЕН

Цирк приедет — только об этом все и говорили несколько недель подряд. Как только в Интернете и в газетах появляются рекламные объявления, по воздуху разносится практически ощутимое наэлектризованное волнение. Прошло более десяти лет с тех пор, как цирк приезжал на гастроли в Лондон. В прошлый раз я был слишком маленьким, и меня не пустили. Я потом вспоминал, как старшеклассники в школе без умолку трещали об этом на спортивной площадке, и все мы подтянулись туда, чтобы послушать их. Собралась большая толпа, и мы напрягали слух, чтобы расслышать их слова. Мне тогда было всего пять или шесть лет, но все, сказанное ими, до сих пор осталось в моей памяти.

— Это волшебство, — говорил какой-то парень. — Не поддельная магия, а самая настоящая. Там такое выделывают!

Среди них была одна девушка, и когда она вступила в разговор, ее глаза сияли.

— Это как сон, — призналась она. — Настоящая сказка.

В тот день, когда приезжает цирк, кажется, что каждый ученик нашей школы сразу после звонка идет на поля, чтобы посмотреть, как циркачи въезжают в город. Вот и в моей голове поселилась глупая фантазия, что мне тоже нужно туда отправиться. Но стоило мне повернуться к моему телохранителю Стэнли, деликатно застывшему в задней части классной комнаты, как губы его сжались и он покачал головой. Я точно знаю, что он имеет в виду: «Даже не думай об этом».

В машине, по дороге из школы домой, я спрашиваю о цирке своего брата-близнеца Фрэнсиса.

— Ты злишься из-за того, что мы не можем пойти и посмотреть, как в город въезжает цирк?

Он смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Зачем мне на это смотреть? Зачем кому-то наблюдать за тем, как в город въезжает кучка Отбросов?

Я не знаю, что сказать в ответ. Лишь пожимаю плечами и смотрю в окно.

Дома я даже не захожу на кухню, чтобы попросить нашу служанку Прию дать мне еды. Сразу поднимаюсь наверх, прямо в нашу домашнюю библиотеку. Отсюда открывается вид на много миль вокруг. Хорошо выделяется и главная дорога, та, что ведет в город. Вот где будет проезжать цирк.

Я заметил, что другие дети, несколько десятков

человек, сидят на заборе, которым огорожены поля. Из моего окна видно гораздо лучше, но я бы предпочел быть там, с ними, поеживаясь от холода, сидеть на заборе и болтать ногами, и чтобы каждый раз со смехом из наших ртов вылетали облачка теплого пара.

Там все выглядит намного веселее. Похоже на настоящую свободу.

Очень долго ничего не происходит, но затем на вершине холма появляются четыре огромных грузовика. Из каждого выпрыгивают по шесть Отбросов и по охраннику. Люди начинают собирать высокие секции железных заборов, огораживая ими четыре поля. Они работают быстро и умело, и вскоре поля исчезают из вида.

Это делает происходящее еще более загадочным и непонятным. Если вы хотите заглянуть внутрь, то платите деньги, как и все остальные. Нет никаких бесплатных просмотров, если только вы не сидите здесь, рядом со мной. Впрочем, найдется не так много людей, чей статус позволяет им жить так же высоко над землей, как нашей семье.

Как только мужчины заканчивают работу, они запрыгивают обратно в грузовики и уезжают, оставляя детей таращиться на целые мили железных заборов.

Похоже, цирк будет воистину огромным, если займет все огороженное пространство.

Вскоре все успокаивается. Кому-то из детей надоедает слоняться, и они уходят домой пить чай. На их место приходят другие зеваки, а потом кто-

то снова возвращается, но никаких признаков самого цирка все еще нет.

Я не спускаюсь на обед, и поэтому Прия приносит мне еду наверх на маленьком подносе. Однако я едва прикасаюсь к тарелке. Слишком уж занят, вытягивая шею и выглядывая наружу из окна.

Наконец, я замечаю, как сверкающая процессия карабкается на вершину холма.

Сначала никто, кроме меня, не видит ее, но потом, когда кавалькада машин вползает на гребень холма, детвора внизу внезапно вскакивает на балки забора, отталкивая друг друга в попытке лучше все увидеть.

Впереди мелкой рысцой трусит шестерка белых лошадей, украшенная китайскими фонариками. На спинах скакунов стоят девочки и мальчики в цирковых костюмах, усыпанных блестками. Они снова и снова подпрыгивают, кувыркаются в воздухе и самым невероятным образом приземляются на обе ноги на крупы лошадей.

За ними появляется пегая лошадь-паломино с белой гривой, она намного крупнее других. В каждом движении ног и шеи чувствуются сила и энергия, рвущиеся наружу.

На ее спине стоит человек в забавном облегающем костюме. На плече у него сидит обезьянка, в руках — большая коробка с конфетами, которые он пригоршнями бросает детям. Те радостно скачут, отчаянно кричат и тянут к нему руки.

За ним едут десятки симпатичных фургончиков пастельных тонов, огромные автоприцепы с рек-

визитом, а дальше — грузовики еще больших размеров, которые, как я полагаю, служат домом для Отбросов и остальных цирковых животных.

Замыкает эту кавалькаду огромный открытый автоприцеп, подсвеченный сотнями разноцветных огней. На нем полно людей — цирковых артистов, — которые энергично машут детворе. Клоуны жонглируют шарами, акробаты выделывают замысловатые трюки, есть даже два пожирателя огня.

Высоко над их головами я вижу девушку-гимнастку. Ее освещает яркий прожектор пучками белого света. Луч постоянно следует за ней, когда в головокружительном прыжке она взлетает в чернильное небо.

Канат, по которому она ходит, натянут между двумя высокими шестами, над десятками цирковых фургонов. Циркачка вращается и выполняет трюки над всей процессией. Она стремительна и подвижна, как вода.

Вокруг нее танцуют лазерные лучи, а в небо, обрамляя ее золотыми звездами, взлетают фейерверки.

Образ девушки отражается в небе на десятках голограмм. Куда ни посмотри, повсюду темноту пререзают слепящие картинки ее прыжков, сальто и приземлений.

Уверен, ее видно на расстоянии нескольких миль отсюда.

Одна из таких картинок появляется прямо перед моим окном, в нескольких дюймах ниже моей